

того театра гг. Собиновъ и Орловъ, провинціальная примадонна г-жа Корганова-Терьянъ; въ томъ же театрѣ общали оперу «Мефистофель» Войто съ г. Шалаянинымъ въ заглавной партіи. Словомъ, это были неслыханный фонтанъ знаменитостей; конечно, москвичи пошли на первый спектакль и разобрали всѣ билеты съ поразительной быстротой. Но на первомъ же спектаклѣ обнаружилось, что коньякъ Фенпекъ гораздо болѣе пахнетъ у Омона значенію, чѣмъ г. Фигнеръ, а шампанское Эксцельсіоръ болѣе уважаемо, чѣмъ сама Поллигиминъ, муза пѣнія. Театръ оказался сараемъ, оркестръ состоялъ изъ какихъ-то армарочныхъ скрипачей, капельмейстеръ едва ли годился въ простые аккомпаньаторы тѣмъ звѣздамъ, которыя заблестали среди иштурныхъ омововскихъ егуалей. Но, увы, сами оперныя звѣзды довольно потускнѣли въ сквернѣйшей театральной обстановкѣ, ихъ дивные голоса пропали, игра была убита декорациями, словомъ, это было одно недоразумѣніе, а не опера. И результатъ получился тотъ, какой я своевременно предсказалъ: убытки заставили администратора оперы г. Любимова закончить дѣло съ быстротой зайца и улещетьнуть изъ Москвы...

Другой нашъ садово-буфетный антрепренеръ г. Шукинъ, въ саду котораго пѣла оперная труппа Вородая и имѣла недурной усильхъ (въ особенности, благодаря прекрасному капельмейстеру и стройному оркестру), также пустился въ «канканерію» съ г. Омономъ. Узнавъ, что г. Шалаянинъ отказался пѣть у Омона въ компаніи необычайныхъ еще на сценѣ артистовъ, гг. Фенпекса и Эксцельсіора, г. Шукинъ пригласилъ нашего премьеры къ себѣ. Къ общему изумленію итальянскій гастролеръ, очаровавшій Миланъ исполненіемъ роли Мефистофеля, согласился пѣть у г. Шукина и пѣлъ, имѣя огромный усильхъ у публики, а въ особенности у г. Семена Кругликола, музыкальнаго рецензента «Новостей Дня». Я впрочемъ приведу нѣсколько выраженій, какими разражается почтенный рецензентъ, поставившій г. Шалаянина на такую высь, что пожалуй ему самому и въ бинокль не разглядѣть своего божка:

«— Такого Мефистофеля, какъ г. Шалаянинъ, нѣто не видывалъ. Даже лучшіе толкователи опернаго Мефистофеля—Эверарди, Вюдеги, Уетамъ, Палечекъ, Стравинскій—въ той или другой мѣрѣ были на рѣзвость (?), развязность, комизмъ (?), фигуры. Ихъ Мефистофель—фактогумъ, посылный-комисіонеръ (!) изъ особенно дов-

Нынѣшній московскій лѣтній сезонъ отличается еще новымъ видомъ спорта, антрепренерской конкуренціей. Совершается какая-то скачка за полными сборами. Москва въ короткое время увидѣла и услышала такую уйма знаменитостей и гастролеровъ, что ума помрченіе. Одинъ антрепренеръ старался, что называется, посылать перешибить другого. Такъ, г. Шарль Омонъ въ своемъ театрѣ (?), на фронтонѣ котораго каждый вечеръ горѣла элентрическая надпись «Шампанское Эксцельсіоръ» и «Коньякъ-Фенпекъ», устроилъ такую оперу, какой, по выраженію голоревскихъ жадковъ, «еще и не бывало на свѣгѣ». Судите сами: въ коньяково-шампанскомъ театрѣ пѣли «чета супруговъ Фигнеръ», артисты петербургскаго Маринскаго театра гг. Смирновъ, Давыдонъ, Тартаковъ, Серебряковъ, г-жа Фингертъ, артисты московскаго Воль-

кихъ. Не то у Шалипина. Онъ весь сложился изъ бонопощающаго сарказма, его «злой духъ» вѣрять въ свою силу, власть надъ презрѣннымъ человѣкомъ. Передъ вами фигура, словно вышедшая изъ рамы великаго мастера—художавал, длинная, съ блѣдыми лицомъ, сле надѣленнымъ растительностью...» и т. д.

Такія выскрѣпкіи и, сказать по правдѣ, шаблонныя фразы способны только портить артиста. Далѣе г. Семеновъ Кругликовъ говорить:

«— Чудесны детали въ сцепѣ съ Мартою—просто уничтожающаго издѣвательства; свое «да, посмотрю» Шалипинъ бросаетъ съ какою-то уморительнымъ, но чрезвычайно счастливо найденнымъ жестомъ».

Далѣе критикъ хвалить намѣреніе Шалипина «прогнать Зибелю», но въ то же время говорить, что «оно не вышло: оба артиста споткнулись»...

Такіе дифирамбы даже спотыкалию г. Шалипина—въ тонѣ московской оперной публики. Шалипина за все у насъ хвалятъ: хорошо свѣтъ—молодець, bravo! Сыгралъ, крипясь, какъ человѣкъ, пообѣдавшій въ дешевой кухмистерской.—ай-ай, какая игра лица, вотъ мимистъ-то! Изобразилъ г. Шалипинъ вѣсто Сальери какого-то Гарпагона съ характеромъ опытнаго отравителя! Разве ты мой, какой глубокая психологическая «художественная» детали, какіе «счастливы найденныя» жесты!!! А сказать прямо, что великолѣпный пѣвецъ Шалипинъ, этотъ русскій талант-самородокъ, во многомъ переигрываетъ и даже иногда бываетъ прямо плохъ, какъ напримѣръ въ роли Тоніо, въ «Паяцахъ»,—этого у насъ нельзя. Помилуйте, это варварство! Шалипинъ—и былъ неудовлетворителенъ? Развѣ это возможно? Васъ за такія рѣчи всѣ заключаютъ, и первый заключаетъ г. Семеновъ Кругликовъ, который иногда пишетъ очень своеобразно. Такъ, оцѣнивая голосъ какой-то артистки, онъ смѣшалъ его повидимому съ сапожникомъ товаромъ и заявилъ слѣдующее:

— Голосъ, говорить, не дуренъ, да жалъ одно: нива у него потерты (!)...

Не правда ли, очень выразительная критика?

Конкуренція операми не ограничила кругъ дѣятельности нашихъ юркихъ антрепренеровъ. Такъ, г. Омонъ, провалившійся съ четою Фигнеръ и прочими безвинно потерянными талантливыми оперными гастролирами, рѣшилъ приобрести чету драматическую.

Эйнъ, прей, дрей—и готово: на сценѣ Феникса и Эксцельсіора заговорили монологи г. Вл. Ник. Давыдовъ В. П. Далматовъ, къ нимъ присоединился артистъ петербургскаго Малаго театра г. Михайловъ, и начались спектакли на славу. Труппа играла прекрасно, но публики не было. Почему? Да по очень простой причинѣ: въ садѣ Омона нельзя залучить ту публику, которая желала бы наслаждаться пѣніемъ чето Фигнеръ и игрою заслуженнаго артиста В. Н. Давыдова.

Въ одну телѣгу вмѣстѣ не можно Коня и трепетную лань.

«Конь» г. Омона—ковьякъ Фениксъ и шампанское Эксцельсіору, и нечего этому господину трогать «трепетную лань»—святое сценическое серьезное искусство. Это была дерзость со стороны г. Омона. Теперь г. Омонъ строить у Триумфальной площади свое особое зданіе, этакій домъ, гдѣ будетъ все: и шансонетца, и Фениксъ, и Эксцельсіоръ. Отдѣльныя комнатки этого зданія будутъ, по слухамъ, изображать равное: на примѣръ, морское дно, сибирскую тундру, японскій домикъ и т. п. На всякіе вкусы, однимъ словомъ. Вотъ это—сфера гг. Омоновъ, и въ нихъ они поподражаемы и высокоталантливы.

Конкурентъ г. Омона г. Щукинъ также не удовлетворился оперой и «божественнымъ» г. Шалипиннымъ. Упавъ, что у Омона выигралъ трагедію г. Орленевъ и, вѣжеся, скоро заиграетъ г-жа Яворская, онъ пригласилъ драматическихъ художниковъ и устраиваетъ трагическіе спектакли съ гастролеромъ М. В. Дальскимъ. Чувствуете, какая садовая ваханалія у насъ творится? Кого только не приглашаютъ, кого не вписываютъ! Про г. Щукина и долженъ еще сказать два слова. Онъ на всѣхъ своихъ афишахъ и публикаціяхъ печатаетъ слѣдующую знаменательную фразу:

«Анонсы о спектакляхъ сада «Эрмитажъ» печатаются во всѣхъ газетахъ, за исключеніемъ «Московского Листка».

За послѣднее время г. Щукинъ добавилъ къ «Московскому листку» и газету г. Сытина «Русское Слово».

Такой развязный пріемъ антрепренера для меня прямо удивителенъ. Но еще болѣе дивитъ меня молчаніе газетъ, преданныхъ этому курьезному остракизму. Спрашивается, что же такое сотворили г. Щукину эти газеты, которыя позволяютъ какому-то садовому антрепренеру оскорблять себя, такъ сказать, «при всей публикѣ»? Просто, чудеса какія-то...

Не фельетонистъ,